

Митрополитъ Зосима и дьякъ Феодоръ Васильевичъ Курицынъ.

Главными руководителями еретиковъ „жидовствующихъ“ были, по словамъ пр. Иосифа волоцкаго, м. Зосима и великокняжескій дьякъ Феодоръ Курицынъ. Уже упоминалось ¹⁾, въ какихъ выраженіяхъ преподобный характеризуетъ того и другаго. На основаніи этихъ-то показаній и сложилось о нихъ мнѣніе, какъ о корифеяхъ всего разсматриваемаго движенія. Но что это въ дѣйствительности были за люди, каковы были ихъ религіозныя вѣрованія и убѣжденія?

I.

Зосима, по прозванію *Брадатый*, до своей хиротоніи былъ архимандритомъ московскаго Симонова монастыря. Ничего неизвѣстно о томъ, какого онъ былъ рода-племени, гдѣ постриженъ и гдѣ жилъ до своего назначенія на архимандрію. Отсутствіе указаній на знатныхъ родственниковъ и лицъ сильныхъ, которые покровительствовали бы Зосимѣ, косвеннымъ образомъ говоритъ за то, что онъ достигъ настоятельства благодаря личнымъ своимъ достоинствамъ. Черезъ пять лѣтъ (въ 1485 г.), по смерти м. Геронтія, Зосима занялъ и московское первосвятительство. Для избранія новаго митрополита великій князь Иванъ Васильевичъ назначилъ соборъ въ Москвѣ. По повелѣнію князя, съѣхались: Тихонъ, ростовскій архіепископъ, Нифонтъ суздальскій, Симеонъ разанскій, Вассіанъ тверской, Прохоръ сарскій и Филофей пермскій; новгородскій же архіепископъ Геннадій прислалъ свою по-

¹⁾ *Богослов. Вѣстн.* июль—августъ, 1905 г., въ ст. „Русскіе богословы“.

вольную грамоту. „И по благодати Божіей, по избранію Святаго Духа и изволеніемъ благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана Васильевича всея Руси, и всѣхъ православныхъ епископовъ и всего освященнаго собора русскія митрополіи, избраша архимандрита Симоновскаго Исосиму, яко достойна суща управляти Богомъ порученное ему стадо, и возведенъ на митрополичь дворъ сентября въ 19, а поставленъ митрополитъ всея Руси того же мѣсяца 26, въ недѣлю (6999 года)“¹⁾.

Такъ повѣствуютъ лѣтописцы; преподобный же Іосифъ причину избранія Зосимы полагаетъ совсѣмъ въ другомъ. Протопопъ Алексѣй, говоритъ онъ, предъ своей смертію „волхвованіемъ подоиде державнаго, да поставитъ на престолѣ святительскомъ сквернаго сосуда сатанина, его же онъ напои яда жидовскаго, Зосиму глаголю сквернаго“²⁾. Какъ видно, между этими двумя свидѣтельствами существенное разногласіе. Лѣтописцы находятъ, что избраніе Зосимы было актомъ мудрости со стороны собора, поставившаго главой русской церкви челоуѣка, по своимъ личнымъ качествамъ вполне для того пригоднаго; Іосифъ волоцкій, напротивъ, новаго митрополита считаетъ лишь жалкой креатурой протопопа Алексѣя, *еретика*. Конечно, изслѣдователь не можетъ не остановиться на этомъ весьма важномъ разнорѣчьи, не попытавшись разъяснить его.

Уже то одно, что пр. Іосифъ является лицомъ заинтересованнымъ въ данной исторіи, невольно заставляетъ относиться къ его показаніямъ съ большой осторожностію. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о томъ, что „подойти державнаго“ было не такъ-то легко, какъ видно будетъ впоследствии, Зосима вообще едва ли нуждался для своего возвышенія въ такомъ необычайномъ средствѣ. Симоновъ монастырь всегда считался однимъ изъ важнѣйшихъ въ Москвѣ. Настоятели его пользовались уваженіемъ великаго князя и имѣли значеніе въ дѣлахъ церковнаго управленія. Неудивительно, поэтому, что они очень часто брались на епископскія каѳедры, а нѣкоторые даже на митрополию. Таковъ былъ предшественникъ Зосимы м. Геронтіи и послѣ его Варлаамъ; въ 1642

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 157—158.

²⁾ Просвѣтит., стр. 40, изд. 1896 г.

году Іосифа тоже прямо изъ архимандритовъ поставили во всероссійскіе патріархи ¹⁾). Поэтому, если для другихъ подобное постановленіе было дѣломъ вполне естественнымъ, то почему же не признать его таковымъ и для Зосимы? Несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ умный и просвѣщенный, едва ли уступавшій въ книжности Іосифу и Геннадію, косвенное подтвержденіе чему находимъ у самого преподобнаго, ни слова не говорящаго объ умственной грубости или невѣжествѣ митрополита. Пр. Іосифъ считаетъ недостойнымъ Зосиму единственно за его религіозныя убѣжденія и худую нравственность; рассмотримъ же, каковыя были тѣ и другая чтобы судить, могли ли онъ дѣйствительно воспрепятствовать ему занять кафедру въ Москвѣ. Въ этомъ случаѣ лучше всего о Зосимѣ можетъ свидѣтельствовать дѣятельность его какъ митрополита и въ особенности—дѣятельность, направленная противъ еретиковъ.

Зосима сдѣлался митрополитомъ въ то время, когда изъ пьяной брани новгородскихъ паповъ ²⁾ возникло громадное слѣдственное дѣло. Геронтій, при которомъ ересь была обнаружена, не обратилъ на нее надлежащаго вниманія, потому ли, что она еще не заявила себя въ слишкомъ рѣзкихъ чертахъ, или же, что вѣроятно, великій князь, не расположенный изслѣдовать ее тщательно, оказывалъ на него известное давленіе. Но Зосима уже не могъ отнестись съ легкимъ сердцемъ къ движенію подобно своему предшественнику: имя еретиковъ у всѣхъ было на устахъ. Не прошло, поэтому, и мѣсяца со времени избранія и поставленія его, какъ Зосима открылъ соборъ изъ тѣхъ же членовъ, что ставили его. „Благовѣрный же и христілюбивый, истинный православія поборникъ... князь великій Иванъ Васильевичъ со отцемъ своимъ митрополитомъ Изосимомъ всея Руси... и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ русскія митрополіи обыскаша ихъ скверныя ереси... и отъ святыя соборныя церкви отлучиша и проклятію предаша и въ заточеніе послаша“ ³⁾. Къ этому лѣтописному извѣстію о дѣяніи собора историкъ Татищевъ присовокупляетъ, что когда члены его

¹⁾ Строевъ, Списки іерарховъ, столб. 149—151.

²⁾ Рус. Истор. Библ., т. VI, № 115, столб. 767.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 158—159.

высказались за преданіе еретиковъ сожженію, то Зосима подалъ голосъ, чтобы осужденныхъ послать только на покаяніе въ Новгородъ: „занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, говорилъ онъ, но грѣшныя обращати къ покаанію“. Великій князь, присутствовавшій на соборѣ, послушался митрополита и сдѣлалъ по его совѣту. Особымъ „поученіемъ“ и „на еретики обличеніемъ“ Зосима оповѣстилъ весь „православный родъ христіанскій“ о наказаніи еретиковъ ¹⁾. Какъ этотъ документъ, такъ и списокъ отреченныхъ книгъ, изданныя митрополитомъ съ цѣлю оградить православныхъ отъ пропаганды „жидовствующихъ“, ясно говорятъ, что Зосима для борьбы съ послѣдними избралъ такое оружіе, которое другими доселѣ почиталось непригоднымъ,—не мечъ и огонь, а слово убѣжденія и милость. —

О томъ, что Зосима хотѣлъ бороться съ еретиками ихъ же оружіемъ, говоритъ и составленная имъ пасхалія. Вѣковое восточное суевѣріе, что съ концемъ седьмой тысячи лѣтъ наступитъ и конецъ міра, пустило глубокіе корни и въ русскомъ народѣ. Приближеніе 1492 года вызывало у него неподдѣльный ужасъ и страхъ. Это наивное простодушіе, котораго были чужды „жидовствующие“, давало послѣднимъ неистощимую пищу для ѣдкихъ насмѣшекъ надъ православными; тѣмъ болѣе, что у нихъ съ страшнымъ седьмитысячнымъ годомъ кончалась и пасхалія. При такихъ обстоятельствахъ Зосима почелъ за лучшее написать расчисленіе на двадцать лѣтъ, поручивъ сдѣлать то же арх. Геннадію и пермскому епископу Филоею и когда въ трехъ таблицахъ, по сравненію, не оказалось разницы, обнародовалъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ „Извѣщеніи“, которымъ сопровождалась новая пасхалія, говорилось, что онъ „смиранный Зосима, митрополитъ всея Руси, трудолюбно потщився написати пасхалію на осьмую тысящу лѣтъ“, запрещаетъ всякое иное лѣтосчисленіе: „Аще гдѣ обратятся иныя сложенія... не по благословенію нашего смиренія и всего освященнаго собора... святыя соборныя апостольскія церкви, отлучатся таковая мудрствующіе“ ²⁾.

¹⁾ Документъ этотъ въ отрывкѣ напечатанъ въ VI т. Рус. Истор. Библ., № 116, а въ полномъ видѣ—„О ереси жидовствъ,“ изд. Общ. Истор. и Др., Москва, 1902. стр. 118—122.

²⁾ Рус. Ист. Библ., т. VI, №№ 116—119.

Кромѣ заботъ, направленныхъ на огражденіе своей паствы отъ вліянія еретиковъ, Зосима занимался и текущими дѣлами митрополіи. Такъ въ ноябрѣ 1491 года онъ поставилъ въ коломенскіе епископы Угрѣшскаго игумена Аванасія ¹⁾, а въ маѣ 1493 г. старца того же монастыря Силуана на Сарскую епископію ²⁾. Въ февралѣ 1492 года онъ выдѣлилъ изъ своей митрополіи и изъ архіепископіи новгородской въ посадѣ и городѣ Вологдѣ церкви и передалъ ихъ пермскому епископу Филовею; занимался онъ и постройками ³⁾.

Такимъ образомъ и эти скудныя, отрывочныя свѣдѣнія изображаютъ митрополита дѣятельнымъ и энергичнымъ архипастыремъ, заботищимся о благосостояніи русской церкви. По нимъ оказывается, что Зосима „еретикъ“ сдѣлалъ для православія несравненно болѣе, чѣмъ свободные отъ всякихъ подозрѣній Геронтій и Симонъ, при чемъ указаній на то, чтобы онъ раздѣлялъ воззрѣнія „жидовствующихъ“, совѣмъ нѣтъ. Напротивъ, лѣтописецъ, сообщая объ избраніи Зосимы говоритъ, что священный соборъ русской митрополіи нашелъ его достойнымъ этого высокаго сана, великій князь „побораеть православію со отцемъ своимъ святѣйшимъ митрополитомъ“, епископы относятся къ нему съ уваженіемъ, а Геннадій прямо воздаетъ ему похвалу за осужденіе еретиковъ, противопоставляя его тѣмъ, кои „попускали“ послѣднимъ ⁴⁾. Изъ похвалы Геннадія видно, что Засима еще до избранія своего, опредѣлилъ свое отношеніе къ еретикамъ, ибо уже въ тотъ короткій промежутокъ времени, который проходитъ отъ его поставленія въ митрополиты (26 сентября) и до собора (17 октября) на еретиковъ, слѣдовательно менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, онъ успѣлъ что-то предпринять противъ нихъ и вѣсть объ этомъ дошла до Нсвгорода, какъ о томъ

¹⁾ Въ Воскресн. лѣтоп. *Авраамія* (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 221).

²⁾ Тамъ же.

³⁾ П. С. Р. Л., т. IV, стр. 38, 162, 160.

⁴⁾ „И нынѣ благодаримъ Бога, что ты еретицы отъ тебя прещеніе приняли, какъ уже ты, благодатію Святаго Духа, поставленъ бысть на той высокой степени святительства великіа митрополіа всеа Русскія земліа; а до тебя будетъ кто попустилъ тому быти о томъ, отъ Христа мечь примуть въ будущемъ вѣцѣ, а отъ тебя имъ подобаеть же казнь приняти адсь, противу своему злодѣйству“... (Рус. Истор. Библ., т. VI № 115, столб. 770).

пишетъ въ посланіи къ нему Геннадій: „и нынѣ благодаримъ Бога, что тѣ еретици отъ тебя прещеніе приняли“.

Собраніе собора нѣкоторые объясняютъ давленіемъ на вновь избраннаго митрополита со стороны Геннадія, писавшаго о необходимости соборнаго приговора на еретиковъ Зосимѣ и прочимъ епископамъ. Но, несомнѣнно, созваніе собора рѣшено было самимъ митрополитомъ, съ чѣмъ согласился и великій князь. Это отчасти видно изъ упомянутаго его „прещенія“ на еретиковъ, которому нужно было дать для большей авторитетности соборную санкцію, а также и изъ того, что епископы послѣ поставленія Зосимы остались въ Москвѣ и не разѣѣзжались, очевидно въ виду предстоявшаго собора. О томъ же говоритъ и слѣдующее. Геннадій, какъ извѣстно, дѣлалъ представленія о необходимости докончить дѣло еретиковъ и Геронтію, однакоже на это не обратили вниманія ни онъ, ни великій князь ¹⁾; отсюда уже ясно, насколько силенъ былъ голосъ Геннадія. Не много значили представленія и остальныхъ епископовъ (если, впрочемъ только они были, ибо указаній на это никакихъ нѣтъ; затѣмъ, предполагать, чтобы епископы непременно сдѣлали такъ, какъ онъ писалъ имъ, совершенно неосновательно ²⁾: онъ имъ запрещалъ: „безъ мене не имете дѣлати дѣла никакова“ въ случаѣ, если великій князь не пригласитъ его на соборъ ³⁾. Такимъ образомъ судъ надъ еретиками произошелъ по желанію Зосимы и не будь этого—не было бы и собора 17 октября 1490 года, какъ не было собора при Геронтіи ⁴⁾.

Даже, когда рѣчь идетъ объ оставленіи имъ митрополіи, повѣствователи ни слова не говорятъ объ еретичествѣ его. Такъ Псковская первая лѣтопись просто замѣчаетъ: „тогоже лѣта (7002) сведенъ съ митрополіи Изосима“, а Степенная книга, умалчивая причину удаленія, сообщаетъ: „Зосима же митрополить за нѣкое преткновеніе превеликаго престола русскія митрополіи вскорѣ лишень бываетъ“ ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ же, столб. 768.

²⁾ Посланіе его къ владык, тамъ же, столб. 778 и дал.

³⁾ Тамъ же, столб. 782.

⁴⁾ Любопытное примѣчаніе дѣлается въ прибавл. ко 2-й новгор. лѣтоп., что Геннадій осужденныхъ на соборѣ еретиковъ предалъ нѣкотораго рода пытку *по благословенію Зосимы* (П. С. Р. Л., III 184).

⁵⁾ Ч. II, стр. 155; ч. I, стр. 477.

Соборъ же святителей, собравшихся въ Москвѣ для поставленія новаго митрополита, извѣщалъ арх. Геннадія такъ: „отецъ Зосима митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ русскія митрополіи, пришедъ во святую великую соборную церковь, предо всѣми омофоръ свой на престолъ положилъ и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, что невозможно ему къ тому святительская дѣйствовать, ни митрополитомъ нарицатися и отойде въ монастырь въ смиренно-иноческое жительство“ ¹⁾. Удалившись сначала въ Симоновъ, а потомъ въ Троице-Сергіевъ монастырь, Зосима оставался здѣсь до самой смерти, при чемъ оставался не только въ общеніи съ церковію, но даже сохранилъ свой святительскій санъ, приобщаясь „божественныхъ таинъ на орлецѣ во всемъ святительскомъ чину“ ²⁾.

Другимъ характеромъ отличается свидѣтельство пр. Иосифа. Рѣчь его, гдѣ только ему приходится говорить о митрополитѣ, такова: „...скверный, злобѣсный волкъ, оболкійся въ одежду пастырскую иже чиномъ святитель, а произволеніемъ Іуда предатель и причастникъ бѣсомъ, иже оскверни святительскій великій престолъ... Змій пагубный, мерзость заустѣнія на мѣстѣ святѣ, отступникъ Христовъ... діаволу примѣнися... антихристовъ предтеча... свинскимъ житіемъ живый, сынъ погибельный... всегда сквернящийся мірскими сквернами. Уставы и писанія всѣхъ святыхъ отмѣща: нѣсть, дѣи, втораго пришествія Христова, нѣсть, дѣи, царствія небснаго святымъ; умеръ, дѣи, инъ умеръ по та мѣста былъ“ ³⁾... и т. д. Этотъ потокъ словъ, типичный вообще для древнерусской полемики и тогдашняго ораторскаго краснорѣчія, обнаруживающій непримиримую ненависть преподобнаго къ митрополиту, вызвалъ недовѣріе къ ихъ автору даже въ м. Макаріи, изслѣдователѣ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ сочувствіи къ своему отдаленному предшественнику ⁴⁾.

¹⁾ Рус. Истор. Библ., т. VI, № 121.

²⁾ П. С. Р. Л., т. XV, стр. 503. Только одна 4 Новгородская лѣтопись даетъ неодобрительный отзывъ о Зосимѣ. „Маія 17 митрополитъ Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но непомѣрно питія держашеся и о церкви Божіей не радяше“ (П. С. Р. Л., т. IV, стр. 164). Ее буквально повторяетъ Воскресн. (П. С. Р. Л., т. VIII, стр. 228).

³⁾ Просвѣтит., стр. 43—44; Рус. Истор. Библ., т. VI, № 120.

⁴⁾ Истор. руск. церкви, т. VI, стр. 104—105, 113.

Но на чемъ основаны эти запальчивыя, страстныя рѣчи? Какія доказательства Іосифъ приводитъ въ подтвержденіе ихъ? Онъ утверждаетъ, что еще въ то время, когда Зосима былъ архимандритомъ, то уже тогда совратился въ ересь. О совращеніи Зосимы преподобный рассказываетъ въ своемъ „Просвѣтителѣ“ различно. Послѣ того, какъ Геннадій произвелъ обыскъ въ Новгородѣ и сталъ хватать еретиковъ, послѣдніе бѣжали въ Москву, надѣясь получить здѣсь защиту отъ протопopa Алексѣя. Эти-то бѣглецы, по словамъ Іосифа, и „пріобрѣли въ помощь своей скверной жидовской вѣрѣ“ „архимандрита“ Зосиму ¹⁾. Но могло-ли быть такъ на самомъ дѣлѣ? Геннадій принялся за „жидовствующихъ“ во второй разъ по полученіи грамоты отъ в. князя и м. Геронтія, послѣ 13 февраля 1488 года. Такъ какъ князь и митрополитъ приказывали „обыскивать еретиковъ соборнѣ и накрѣпко“, увѣщевать ихъ къ покаянію и, если обратятся, удостовѣряться въ ихъ искренности посредствомъ эпитимій, что Геннадій въ дѣйствительности и дѣлалъ, и такъ какъ еретики, уже покаявшись, прослышавъ, что на Москвѣ ихъ единомышленники „живутъ въ ослабѣ“, рѣшились бѣжать только послѣ этого, то очевидно появленіе ихъ въ столицѣ относится не ранѣе, какъ къ половинѣ 1489 года. Явившись въ Москву, бѣжавшіе не тотчасъ же выступили съ пропагандой своего ученія; имъ нужно было осмотрѣться, устроиться самимъ и ознакомиться съ окружающей обстановкой и тогда только подумать объ „уловленіи душъ“ православныхъ. Т. е.: совращеніе Зосимы могло произойти лишь въ самомъ концѣ 1489 или началѣ 1490 года, слѣдовательно, предъ самымъ поставленіемъ его въ митрополиты. Но моментальное измѣненіе убѣжденій въ возрастѣ, въ какомъ былъ Зосима, невозможно; особенно трудно мѣняются религіозныя вѣрованія, какъ извѣстно. Да и бѣглецы не представляли изъ себя людей, выдающихся по уму и образованію, чтобы могли сразу завладѣть челоѡкомъ; все это были обыкновенные попы и дьяки, не исключая и Дениса, способные развѣ „за престоломъ плясать“ да „кресту наругаться“; такіе люди не могли увлечь Зосимы... Главное же, представляется невѣроятнымъ, чтобы протопопъ Алексѣй не

¹⁾ Просвѣтит., стр. 38.

сдѣлалъ попытки увлечь митрополита еще задолго до прибытія новгородскихъ еретиковъ. Дѣйствительно, всего естественнѣе было бы сдѣлаться совратителемъ Зосимы ему. Проживая съ давняго времени въ Москвѣ (съ 1480 года), онъ уже давно былъ знакомъ съ Зосимою, какъ можно заключать изъ словъ пр. Іосифа; а такъ какъ протопопъ былъ человѣкъ типа, къ которому впослѣдствіи принадлежалъ напр. патр. Никонъ, Аввакумъ и нѣкоторые другіе, то ничего не было бы удивительнаго, если бы Зосима сдѣлался его послѣдователемъ. Дѣйствительно, Іосифъ въ другомъ мѣстѣ „Просвѣтителя“, говоря о томъ, какъ Зосима достигъ митрополичьяго престола, именно—при помощи протопопа Алексѣя,—какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ: „его же (Зосиму) онъ (Алексѣй) напои яда жидовскаго“¹⁾. Но это вскользь брошенное соображеніе, какъ говорено было въ своемъ мѣстѣ, имѣетъ особый смыслъ,—тотъ смыслъ, что, по мнѣнію Іосифа, протопопъ являлся источникомъ ереси для всей Москвы. Ибо и самъ преподобный въ числѣ совращенныхъ Алексѣемъ и Денисомъ, о чемъ онъ специально велъ рѣчь выше, называетъ лишь принявшихъ обрѣзаніе Ивашку Чернаго и Игната Зубова и не упоминаетъ о Зосимѣ и Курицынѣ²⁾.

Допустимъ, однако, что авторъ „Просвѣтителя“ не знаетъ лишь обстоятельствъ, при которыхъ произошло отступничество митрополита; но вѣроятно ли вообще утвержденіе его, что онъ былъ еретикъ? Прежде всего возникаетъ вопросъ, какъ Зосима могъ сдѣлаться митрополитомъ? Какъ соборъ могъ избрать и поставить его? Вѣдь это легко сказать: „еще бо невѣдомо бѣше злодѣйственное скверныя душа его“, или: „еще невѣдающе извѣстно, яко той есть начальникъ и учитель еретикомъ“³⁾. На дѣлѣ ничего подобнаго быть не могло; не могло быть такъ, чтобы на митрополичью кафедру выбрали совершенно неизвѣстное лицо, да Зосима и не былъ такимъ; наоборотъ, его знали почти всѣ члены собора. Такъ *Нифонтъ* до поставленія въ суздальскіе епископы (12 декабря 1484 г.) управлялъ Симоновымъ монастыремъ и, слѣ-

1) Просвѣтит., стр. 40.

2) Просвѣтит., стр. 37.

3) Тамъ же, стр. 41.

довательно, былъ предѣстникомъ Зосимы, а такъ какъ послѣдній (болѣе, чѣмъ вѣроятно) состоялъ въ числѣ братій этого монастыря, то конечно Нифонтъ долженъ былъ знать его очень хорошо. *Симеонъ* рязанскій былъ духовникомъ м. Геронтія прежде, чѣмъ сдѣлался епископомъ, а въ такомъ случаѣ допустить, чтобы онъ не слышалъ о Зосимѣ и не зналъ его даже лично, невозможно ¹⁾; тоже самое нужно сказать и о *Прохорѣ* сарскомъ, проживавшемъ въ Москвѣ на Крутицахъ съ 1471 года и несомнѣнно встрѣчавшемся съ Симоновскими архимандритами хотя бы во время торжественныхъ богослуженій митрополита. Всего же болѣе Зосиму долженъ былъ знать *Геннадій* новгородскій, который былъ чудовскимъ архимандритомъ съ 1471 года по 1484, т. е. въ то время, когда первый уже выдвигался впередъ среди братіи своего монастыря, чтобы вскорѣ сдѣлаться настоятелемъ его. Геннадій отлично зналъ московскую жизнь: онъ зналъ и протопопа Алексѣя, съ которымъ неоднократно велъ бесѣды на религіозныя темы и о кончавшейся у православныхъ пасхалии ²⁾. Еще тогда „жидовствующие“ давали чувствовать свою силу, такъ какъ благодаря тѣмъ оскорбленіямъ, которыя они, или покровительствующіе имъ люди, открыто наносили ростовскому архіепископу Іоасафу, послѣдній долженъ оставить свою кафедру, за чтó между прочимъ Геннадій и укоряетъ его. Въмѣсто того, чтобы „терпѣніемъ великимъ вооружитися, аще бы что и пострадати за православіе“, Іоасафъ оставилъ свою паству, „*овци волкомъ на расхищеніе*“. Въ посланіи къ Зосимѣ Геннадій говоритъ про архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, которые вмѣстѣ съ еретиками отправляли богослуженіе въ московскихъ церквахъ ³⁾. Итакъ, повторяемъ, Геннадій хорошо былъ освѣдомленъ о томъ, что происходило на Москвѣ и отъ него трудно было укрыться Зосимѣ съ своими убѣжденіями. Между тѣмъ онъ нигдѣ не обронилъ худаго слова о митрополитѣ и это нельзя приписать боязни его, ибо свой неустрашимый характеръ онъ обнаружилъ не одинъ разъ:

¹⁾ 1 Софійск. подъ 6989 годомъ; Воскресн. подъ тѣмъ же годомъ (Чт. Общ. Ист. Др., 1847, № 7).

²⁾ Послан. къ Іоасафу, 1-й столб. 3 стр.

³⁾ Руск. Истор. Вибл., т. VI, № 115.

въ столкновеніяхъ съ прежнимъ митрополитомъ Геронтіемъ, въ посланіи къ самому Зосимѣ и особенно, когда открыто называетъ „начальникомъ злодѣевъ“ (еретиковъ) могущественнаго великокняжескаго любимца, дьяка Ѡ. Курицына ¹⁾). Наконецъ, что могло помѣшать Геннадію высказать свое мнѣніе уже объ удалившемся митрополитѣ, когда онъ, извѣщенный объ этомъ, послалъ свою повольную грамоту на поставленіе новаго первосвятителя? А поводъ къ тому былъ прямой: указать истинную причину, побудившую уйти Зосиму, такъ какъ члены собора, очевидно, повѣрили его словамъ, сказаннымъ при оставленіи митрополи, которыми онъ оправдавалъ свой уходъ. Не естественно-ли было съ его стороны предостеречь „свою братью“, епископовъ, отъ того, чтобы они снова не выбрали главой церкви еретика, какъ это было въ первый разъ, если бы дѣйствительно Зосима оказался „дивнимъ вепремъ“, „озобавшимъ святительскій виноградъ“ ²⁾? Очевидно, отдѣлаться фразами; „еще бо невѣдомо бяше“... и т. п. нельзя, а потому, мыслимо-ли допустить, чтобы соборъ, зная какъ будущій митрополитъ нравственно безобразенъ и совершенно невѣрующій человекъ, рѣшился допустить такое преступленіе даже при всемъ давленіи на него государственной власти? Развѣ онъ, наоборотъ, не раскрылъ бы глаза самому великому князю на этотъ „сатанинъ сосудъ“?..

Обвиняя митрополита въ тяжкихъ и грязнѣйшихъ преступленіяхъ, Іосифъ долженъ былъ бы привести факты, въ дѣйствительности же еретичество его доказывается слѣдующимъ. Въ одномъ мѣстѣ „Просвѣтителя“ преподобный говоритъ, что когда нѣкоторые ревнители благочестія стали открыто поносить Зосиму, то онъ этихъ непризванныхъ обличителей не допускалъ до таинства евхаристіи, а лицъ іерархическихъ лишалъ священныхъ степеней. Великій же князь упорныхъ подвергалъ различнымъ наказаніямъ: ссылкѣ, заточенію, темничному заключенію, лишенію имущества и проч. ³⁾. Но приведенные факты не могутъ говорить о еретичествѣ митрополита. Иначе онъ и не могъ поступать, за-

¹⁾ Тамъ же, столб. 782.

²⁾ Послая. къ Нифонтѣ, стр. 9.

³⁾ Просвѣтит., стр. 46.

щищая свой святительскій авторитетъ и православіе, въ которомъ не сомнѣвались ни представители церкви—епископы, ни власть государственная—великій князь. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы великій князь Иванъ Васильевичъ принялъ сторону митрополита и наказывалъ позорящихъ его вслѣдствіе „клеветы“ и наговоровъ ¹⁾: вѣдь дѣло подвергалось тщательному разслѣдованію, когда обвиняемые имѣли полную возможность доказать справедливость своихъ словъ, изобличить грѣховнаго святителя и нельзя, конечно, допустить, чтобы великій князь, вопреки очевидной истинѣ, „осуждалъ неповинныхъ“. Говорить такъ значитъ совершенно не знать этого государя. Извѣстно, каковъ былъ нравъ Ивана Васильевича. Родной его братъ Андрей умеръ въ тѣсномъ заточеніи; также окончилъ свою жизнь и внукъ его Димитрій, когда-то вѣнчаннй имъ на московское царство; князь Семень Ряполовскій, царскій родственникъ, былъ казненъ, да и многіе другіе примѣры показываютъ, что отъ руки его не спасало никакое положеніе—ни общественное, ни личное. Поэтому рѣшительно непонятно, отъ чего такъ милостиво поступили съ Зосимою: дали возможность какъ бы добровольно оставить митрополию, а не лишили сана. Ужъ конечно сдѣлано это было не съ цѣлю избѣжать „соблазна“ и „шума“: лѣтописи почти на каждой страницѣ повѣствуютъ, что на Москвѣ подобнаго рода дѣлами нисколько не стѣснялись. Вотъ, напр., что происходило во время борьбы великаго князя съ митрополитомъ Геронтіемъ: „князь же великій не восхотѣ его, неволею не оставя митрополию, и посла къ нему Пасею (Паисія, игумена Троице-Сергіева монастыря) и не може ввести его въ то, многожды убѣгалъ изъ монастыря, и имаша его“ ²⁾. Или: „тое же зимы (6996) биша поповъ Новугородскихъ по торгу кнутьемъ. Тое же зимы *архимандрита Чюдовскаго были въ торгу кнутьемъ*“ ³⁾. Едва ли было бы больше соблазна въ томъ случаѣ, когда бы по соборному приговору Зосима былъ лишень своего достоинства, а не оставленъ въ монастырѣ, гдѣ онъ даже святительскія одежды носилъ и приобщался

1) Тамъ же, стр. 46.

2) П. С. Р. Л., т. IX, стр. 236.

3) Тамъ же, стр. 238.

св. Таинъ: вѣдь по словамъ Іосифа, о еретичествѣ Зосимы зналъ чуть-ли не весь міръ...

И такъ одинокое свидѣтельство Іосифа вызываетъ немалыя недоуменія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и небольшое сомнѣніе, такъ-ли ужь доподлинно онъ зналъ митрополита и вообще „жидовствующихъ“? Изъ житія Іосифа видно, что до 1503 года, когда онъ былъ позванъ на соборъ, ему не пришлось ни съ кѣмъ изъ героевъ движенія встрѣтиться. Онъ не только не имѣлъ случая разсуждать о вѣрѣ съ Зосимою, но даже и не зналъ его лично. Всѣ свѣдѣнія, какія преподобный имѣлъ о московскихъ и новгородскихъ событіяхъ, шли чуть не черезъ десятыя руки. Такъ Іосифъ ссылается на своего брата Вассіана, который „сказывалъ“ Нифонту сурдальскому про порочную жизнь митрополита и его невѣріе ¹⁾. Но можетъ ли это свидѣтельство удовлетворить изслѣдователя? Гдѣ и когда Вассіанъ слышалъ рѣчи, которыя онъ приписываетъ митрополиту? Публично Зосима ничего подобнаго не говорилъ, а интимные разговоры, если бы они и велись въ такомъ духѣ, Вассіанъ не могъ слышать, находясь въ той же волоколамской обители. Понятно, все это могло быть сказано въ кругу довѣреннѣйшихъ лицъ, а жидовствующіе вовсе были не таковы, чтобы откровенничать съ людьми, подобными Вассіану. Ясно, что Вассіана вдохновляли такъ называемые „достоувѣрные свидѣтели“ ²⁾, а чрезъ него и самого Іосифа. Кто такіе были эти послѣдніе—Іосифъ не говоритъ, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что они вышли изъ среды недовольныхъ митрополитомъ за его преслѣдованія, были его вѣчные враги и недоброжелатели. Замѣчательно, что Іосифъ не указываетъ ни одного случая изъ тѣхъ преступленій, которыя будто бы совершала митрополитъ. Подозрѣваемые въ „жидовствѣ“ были постоянными посѣтителями Зосимы, или, какъ доносили ему „достоувѣрные свидѣтели“, „не выходили и спали у него“, и отсюда, конечно, „овѣхъ убо жидовству уча (митрополитъ), и вѣхъ же содомски скверна“ ³⁾. Іосифъ зобываетъ только одно: что содомство не составляло грѣхи „жидовствующихъ“,

1) Послан. къ Нифонту, Рус. Ист. Библ., VI. № 120

2) Тамъ же.

3) Тамъ же.

ему предавались люди совершенно православные и особенно монашествующіе, что видно изъ дѣяній Стоглаваго собора и другихъ современныхъ памятниковъ ¹⁾. И какая разница между показаніями архіеп. Геннадія и пр. Іосифа! Первый называетъ имена виновныхъ и подробно указываетъ ихъ преступленія, приводитъ ихъ подлинныя рѣчи, подтвержденныя публичнымъ допросомъ и многими дѣйствительными свидѣтельствами ²⁾; у послѣдняго же обвиненія такого общаго характера, что ихъ можно приложить къ любому изъ еретиковъ всѣхъ временъ и направленій. О томъ, что въ Просвѣтителѣ излагались свѣдѣнія, не соотвѣтствовавшія дѣйствительности, было извѣстно и современникамъ; такъ думалъ, напр., рязанскій епископъ Касьянъ. Когда эту книгу принесли на соборъ 1554 г. для обличенія Матвѣя Башкина, то онъ публично „нача глаголати, яко *неподлинну быти свидѣтельству книги сея*“ ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, обвиненіе Зосимы построено на однихъ слухахъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно имѣвшіе возможность судить о міровоззрѣніи и жизни его люди, непосредственно бесѣдовавшіе съ нимъ и лично его знавшіе, рѣшительно заявляли: „мы у него не слышали ничего“ ⁴⁾.

Добродушный митрополить Зосима былъ чуждъ того крайняго ригоризма, какимъ заявили себя Іосифъ, арх. Геннадій и ихъ приверженцы. Въ то время, какъ послѣдніе не знали пощады для заблуждавшихся и видѣли единственное средство доказать имъ истину въ огнѣ и мечѣ, первый говорилъ: „мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію“. Этотъ евангельскій принципъ митрополить хотѣлъ приложить и къ новгородскимъ еретикамъ. У Іосифа же всѣ были еретики, кто не раздѣлялъ его убѣжденій: еретикъ митрополить, еретикъ великій князь, еретикъ даже и такой подвижникъ благочестія, какъ преп. Ниль сорскій ⁵⁾. Необходимо думать, что въ этой коренной разницѣ во взглядахъ и крылась истинная причина непри-

¹⁾ См. напр. Послан. еп. Макарія въ Свіязскъ (Акт. Ист., т. I, № 159).

²⁾ Рус. Ист. Библ., т. VI, № 115. II.

³⁾ Сказаніе вкратцѣ на Матвѣя Башкина на еретика, и о епископѣ Касьянѣ резанскомъ (Чт. Общ. Ист. Др., 1847. № 7).

⁴⁾ Рус. Ист. Библ., т. VI, № 120.

⁵⁾ Памяти. древне-рус. дух. письм.. (Прав. Соб., 69, X, 209).

миримой вражды и убѣжденія Іосифа въ еретичествѣ Зосимы. Въ своемъ ревнованіи о православіи онъ готовъ приписать ненавистному митрополиту все, что было тогда худо у русскаго народа: „отступиша бо человекы отъ истины и отъ правды, отступиша братолюбія и нищелюбія, отступиша цѣломудрія и чистоты, и на сласти совратишася, зряще на сквернаго пастыря!“ Онъ не сомнѣвается даже, что наступило время антихриста, а митрополитъ его „предотеча“¹⁾. Іосифъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ не знаютъ границъ и если, по ихъ убѣжденію, чтѣ худо, то это ужь прямое исчадіе ада. Для него ясно было одно: еретиковъ нужно было жечь, рубить, вѣшать словомъ—уничтожать всѣми средствами; кто этого не дѣлаетъ, тотъ самъ еретикъ.

И у современниковъ преподобнаго находимъ указанія на его нетерпимость и пристрастіе къ лицамъ, расходившимся съ нимъ во взглядахъ. Нельзя, понятно, смотрѣть на Іосифа глазами князя-инока Вассіана Патрикѣева, обвинявшаго его въ намѣренномъ искаженіи истины по челоуѣко-ненавистничеству, но сильное преувеличеніе въ своихъ врагахъ ихъ недостатковъ было ему свойственно по самому его характеру. Евангельской кротости и смиренія нечего было искать въ Іосифѣ, въ чемъ его открыто упрекаетъ князь Вассіанъ: „Охъ! Что будетъ тебѣ, Іосифе, предъ Христомъ въ день судный и съ твоими ученики? Ниже у насъ еси потребовалъ прощенія, оскорбляя насъ въ Божіихъ заповѣдехъ и смущая, ниже самъ еси ны простилъ, отходя на путь вѣчный“²⁾. Особенно жесткій и неумолимый нравъ Іосифа, его неправда, обнаружилась въ столкновеніи съ арх. новгородскимъ Серапіономъ, котораго онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на великаго князя Василія III, довелъ до низложенія. Вотъ каково сужденіе лѣтописца по поводу этой ссоры: „Лѣта 7024, въ седьмомъ лѣтѣ послѣ сведенія изъ Новгорода архіепископа Серапіона, смирился князь великій съ Серапіономъ, а кто на него ни постоялъ... владыка ростовскій Вассіанъ и братъ его Іосифъ и владыка суздальскій (Симеонъ) и того лѣта вси умерли... а ря-

¹⁾ Рус. Истор. Библ., т. VI, № 120.

²⁾ Инока пустынника Васьяна на Іосифа, игумена волоцкаго, собраніе отъ святыхъ правомъ (Прав. Соб., 1861, т. II, стр. 280, 210).

занскій Тарасій владычество отставилъ его же ради, да того же лѣта и пермскій умеръ Протасей“¹⁾).

Зосиму обвиняютъ еще въ томъ, что онъ тотчасъ по своемъ посвященіи будто бы нанесъ тяжелую обиду и оскорбленіе новгородскому архіепископу Геннадію, главному обличителю „жидовствующихъ“, потребовавъ отъ него новаго исповѣданія вѣры и обязательства признавать его, митрополита, святительскій авторитетъ. Основаніемъ для такого обвиненія служитъ отвѣтъ Геннадія, изъ коего видно, что архіепископъ, дѣйствительно, счелъ себя за обиду требованіе митрополита. „Того бъ по старинѣ не бывало, что владыка на себя въ другіе исповѣданіе даетъ“, писалъ онъ²⁾. Но это была совершенная неправда. Если бы Геннадій справился въ архивѣ своей архіепископіи, замѣчаетъ проф. Павловъ, то убѣдился бы, что его предшественники, напр. Іона, давали не только „въ другіе“, но и „въ третіе“ свое исповѣданіе³⁾. Изъ посланія м. Θεодосія отъ 1481 года видно, что черезъ два мѣсяца по своемъ постановленіи онъ потребовалъ отъ упомянутаго владыки исповѣданія, уже даннаго умершему митрополиту: „...и ты бы, мой сынъ, какъ далъ еси свой обѣтъ... брату нашему митрополиту, въ началѣ, въ свое ставленіе, да и грамоту еси свою за своею подписью и печатію далъ, послѣ пакъ брата моего Іоны митрополита, нынѣ тотъ же

¹⁾ 2-я Новгород. лѣтоп. подъ 7024 г. Прибав. къ 2-й Новг. подъ тѣмъ же годомъ (въ П. С. Р. Л., т. III, стр. 184). Приведенныя свидѣтельства, полагаемъ, могутъ быть, направлены противъ недоумѣнія, высказаннаго академикомъ Е. Е. Голубинскимъ, который не допускаетъ мысли, чтобы Іосифъ только на однихъ слухахъ, „или сплетняхъ“, основалъ свое обвиненіе Зосимы: это „значитъ быть человѣкомъ истинно ужаснымъ (и нравственно безобразнымъ)“, замѣчаетъ онъ (Исторія рус. церкв., т. II, 1-я 1/2, стр. 576, примѣч. 2-е стр. 575). Зачѣмъ же такъ? Это значитъ только то, что Іосифъ не могъ и не умѣлъ объективно относиться къ людямъ, державшимся иныхъ убѣжденій, чѣмъ онъ. Будучи человѣкомъ необыкновенно горячимъ и не мало мня о себѣ, преподобный сразу изливалъ, что чувствовалъ и думалъ, залпомъ, такъ сказать, нисколько не стѣсняясь, по тогдашнему обычаю и своему собственному. Впрочемъ, Е. Е. и самъ неособенно довѣряетъ показаніямъ составителя „Провѣтителя“ и частенько укоряетъ его въ „тенденціозности“, въ „незнаніи“ и т. п.

²⁾ Тамъ же, № 115.

³⁾ Тамъ же, примѣч. 1.

еси обѣтъ въ своихъ грамотахъ описалъ твердо...“ 1). Послание же архіепископа Іоны отъ 1464 года свидѣтельствуеть, что онъ даетъ митрополитамъ обязательство повиноваться уже не одинъ разъ 2).

Такую же грамоту и тому же митрополиту присылалъ и тверской архіепископъ Геннадій (въ 1461 году) 3). Это заставляетъ предполагать, что требованіе отъ новгородскаго владыки и отъ другихъ, епархій коихъ близко лежали къ границамъ польско-литовскаго государства, давать новое исповѣданіе вѣры и обязательство повиноваться, исходило всякій разъ, какъ только на Москвѣ избирался новый свяtitель. Причина тому заключалась въ новомъ положеніи митрополіи, которая съ половины XV в. раздѣлилась на сѣверо-восточную и юго-западную, вмѣстѣ съ чѣмъ явилось и два митрополита. Утвердившійся въ Литвѣ просвятитель старался привлечь на свою сторону не только юго-западныхъ епископовъ, но искалъ сторонниковъ себѣ и въ московской церкви. Особенно хотѣлось ему подчинить своей власти новгородскаго архіепископа, съ каковою цѣлію къ послѣднему присылались и посольства и грамоты 4). Такъ какъ поводъ къ такимъ честолюбивымъ стремленіямъ подавали сами владыки Новгорода, находившіе слишкомъ тяжелой для себя зависимость отъ московскаго митрополита, то неудивительно, что въ столицѣ имъ не очень-то довѣряли, хотя потомъ они и были московскими ставленниками.

Что таковъ именно былъ характеръ требованія митрополита, это ясно видно изъ отвѣтнаго посланія самого Геннадія. „А какъ если исповѣдался предъ Богомъ и предъ избранными ангелы, такъ въ томъ исповѣданіи стою и теперь неподвижно: ниже къ Литвѣ посылаю грамоты, ни изъ Литвы ко мнѣ посылають грамотъ, ни паки литовскіе ставленники служатъ въ моей архіепископій“ 5). Свою правоту Геннадій отстаиваетъ твердо, но другіе, однако, о немъ были иного мнѣнія 6).

1) Тамъ же, № 95.

2) Тамъ же, № 99.

3) Тамъ же, № 94.

4) Тамъ же, №№ 95, 99, 100 и др.

5) Тамъ же, № 115.

6) Вскорѣ по пріѣздѣ архіепископа въ Новгородъ среди монаховъ и

Удаленіе Зосимы было несомнѣнно недобровольное. Выше уже приведены были лѣтописныя сказанія по этому поводу, и только одно изъ нихъ говоритъ про „непомѣрное питіе“ и нерадѣніе о церкви Божіей, какъ о причинѣ ухода митрополита. Что послѣднее обвиненіе совершенно неосновательно, это очевидно изъ ранѣе сказаннаго о его дѣятельности; да за это не лишили каяедры и митрополита Геронтія, который, по словамъ Іосифа, „ни мало попечеса“ и „нерадяше“ о церкви ¹⁾. Относительно же образа жизни всѣ изслѣдователи согласны, что на него положенъ такой густой слой грязи, что подъ нимъ трудно доискаться истины ²⁾.

сборнаго духовенства по рукамъ стали ходить какія-то грамоты, которыя потомъ распространились и „по московской землѣ“ и въ которыхъ его обвиняли въ еретичествѣ. Настоятель одного монастыря, Нѣмчинова, по имени Захаръ, открыто разсылалъ ихъ „по всѣмъ городамъ“ въ теченіе трехъ лѣтъ и такъ огорчалъ Геннадія, что тотъ просилъ митрополита „оборонить“ его отъ этихъ навѣтовъ (Тамъ же). Поэтому, еслибы Зосима даже и не вѣрилъ распускаемымъ слухамъ относительно Геннадія, то и тогда въ интересахъ самого архіепископа онъ долженъ былъ потребовать отъ него исповѣданія: ибо какъ иначе могъ митрополитъ заградить уста клеветѣ и тому, кто распускалъ еѣ? Съ другой стороны, Геннадій пріобрѣлъ себѣ славу челоуѣка своего рода извѣстнаго. Еще будучи Чудовскимъ архимандритомъ, онъ привималъ дѣятельное участіе въ спорѣ о хожденіи посолонъ, и оба раза, когда возникали эти распри, шелъ противъ митрополита (Геронтія), становясь на сторону великаго князя (И. С. Р. Л., т. VI, стр. 221, 232). Въ 1482 г. за нарушеніе церковнаго устава и самоволіе Геннадій былъ наказанъ митрополитомъ и посаженъ „въ ледникъ“ (тамъ же, стр. 233); будучи новгородскимъ архіепископомъ, онъ незаконными мѣрами относительно причетниковъ-двоеженцевъ вызвалъ противъ себя ожесточеніе, при чемъ его не одобрили ни митрополитъ, ни великій князь. (Акт. Истор., т. I, № 101). Даже поставленіе во епископы Геннадія вызвало у современниковъ соблазнительные толки. Волоцкій князь Борисъ Васильевичъ письменно упрекалъ его въ томъ, что онъ „имѣніемъ принялъ святительскій санъ и мірскихъ князей помощію“ (Рус. Истор. Библ., т. VI, № 113), а громкая его дѣятельность въ борьбѣ съ „жидовствующими“ закончилась самымъ неожиданнымъ и печальнымъ образомъ—сведеніемъ съ каяедры за доказанное преступленіе: поставленіе іерархическихъ лицъ на мздѣ (И. С. Р. Л., т. VI, стр. 49, 244. *М. Макарія*, Истор. рус. церкви, т. VI, стр. 120—121, примѣч. 166). Какой слѣдуетъ выводъ изъ всего сказаннаго, ясно и безъ словъ.

¹⁾ Просвѣтит., стр. 39.

²⁾ Не было-ли обвиненіе въ „свинскомъ житіи“ при подобныхъ обстоятельствахъ своего рода общимъ мѣстомъ? Изъ исторіи, напр., византійской церкви извѣстны такіе случаи. Во время споровъ о т. в. *Саворсколнз*

Во всякомъ случаѣ это обвиненіе и обвиненіе Іосифа остаются голословными и ничѣмъ рѣшительно недоказанными.

Нѣсколько освѣщаетъ эту темную исторію свидѣтельство отцовъ собора, собравшагося для поставленія м. Симона. Несомнѣнно, что имъ достовѣрно были извѣстны обстоятельства, приведшія Зосиму къ удаленію отъ дѣлъ, и они могли бы сообщить истинную причину происшедшаго. Къ сожалѣнію, они этого не сдѣлали, и не сдѣлали или потому, что не хотѣли, или же потому, что не могли сдѣлать. Предполагать первое нѣтъ основаній, такъ какъ это могло вытекать единственно изъ желанія *укрыть* митрополита, т. е. изъ-за ложнаго стыда *разоблачить* главу церкви, пороки котораго будто бы ложились темнымъ пятномъ и на послѣднюю. Но вся наша исторія говоритъ, что Церковь такого взгляда никогда не держалась, а всегда мужественно смотрѣла правдѣ въ лицо ¹⁾; не имѣли причины отцы собора поступить иначе и теперь, тѣмъ болѣе, что худая жизнь Зосимы, по словамъ Іосифа, была извѣстна всѣмъ, слѣдовательно—утаивать то, что было явно, не имѣло бы никакого смысла и только грозило бы наложить густую тѣнь подозрѣнія на самихъ архіереевъ, какъ на потаковниковъ вопіющаго беззаконія. Если однако соборъ не обличалъ митрополита, то конечно по той причинѣ, что „свинская жизнь“ его существовала лишь въ воображеніи, а не въ дѣйствительности. Такимъ образомъ остается признать, что соборъ лишенъ былъ возможности

святѣ противники Григорія Паламы между прочимъ говорили, что „онъ, несчастный, не устыдился во святую великую пятницу на страстной недѣлѣ ванны принимать для врачеванія своего тѣла и пользоваться пищей и питьемъ вопреки каноновъ и въ соблазнъ бывшимъ свидѣтелями монахамъ“. Въ свою очередь и сторонники святаго о противномъ имъ патріархъ Іоаннѣ Калекасѣ докладывали правительницѣ Аннѣ Палеологъ, что онъ „изъ чрезмѣрнаго любочестія пренебрегаетъ церковь и проводить время въ царскихъ палатахъ... его ложь, обманъ и притворство, которые онъ обнаруживалъ ежедневно можно ли передать словами? Этотъ жалкій человекъ впалъ въ самое крайнее зло и, покинутый Богомъ, уклонился отъ православія въ ересь“... и т. д. (Ж. М. Н. Пр., 1892 г., февраль, стр. 410, 382).

¹⁾ Примѣры: судъ надъ м. *Исидоромъ*, низложеніе и заключеніе его въ темницу; судъ надъ рязанскимъ епископомъ *Касьяномъ*, ростовскимъ архіепископомъ *Давидомъ* (Москов. соборы на еретиковъ XVI в. въ Чт. Общ. Ист. и Др., 1847 г.) и др.

сказать истину, что видно уже изъ того, какъ онъ извѣстилъ арх. Геннадія: „отецъ Зосима митрополитъ, *своя ради немощи*, остави столъ русскія митрополіи“. Эта „немощь“, заставившая въ свое время удалиться съ кафедръ Геннадія Новгородскаго, Тихона, архіеп. ростовскаго и многихъ другихъ, однако ни о чемъ не говоритъ, потому что это есть лишь официальная редакція отставки митрополита, подобная нынѣшнему вынужденному уходу „по болѣзни“. Соборное осужденіе находится въ явномъ противорѣчьи съ публичнымъ заявленіемъ самого Зосимы, въ которомъ нѣтъ даже и намека на какую-либо болѣзнь: „... пришедъ во святую великую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолъ положилъ, и свидѣтеля на то Господа Бога нарицающа, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовати, ни митрополитомъ нарицатися“. Здѣсь, въ словахъ, подтвержденныхъ клятвенно, чувствуется глубокая драма, слышится подавленный вопль человѣка, лишеннаго возможности оправдать себя, сказать хотя бы что-нибудь въ свою защиту изъ опасенія пострадать еще болѣе. Это же опасеніе испытать на себѣ участь Зосимы, лишиться святительскаго клобука и мантии, сковало уста и епископамъ.

Несомнѣнно, здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ случаевъ проявленія московскаго абсолютизма, впервые испробовавшаго свою мощь именно въ царствованіе Іоанна III какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Въ дѣлахъ духовныхъ, а тѣмъ болѣе въ гражданскихъ, Іоаннъ III, равно какъ и его преемники, не терпѣли противорѣчій даже отъ московскихъ митрополитовъ и не стѣснялись поступать съ ними деспотически. Такъ изъ тринадцати святителей, бывшихъ на московской кафедрѣ по раздѣленіи митрополіи, только трое тихо и безмятежно скончали свой животъ во владычныхъ покоехъ; двое же ушли добровольно, одинъ не успѣлъ этого сдѣлать за скорою своею смертію, одинъ удержался только послѣ долгой и упорной борьбы съ великимъ княземъ, одинъ удушенъ и пятерыхъ удалили съ престола насильно. Какъ видно, „преткновенія“ были у всѣхъ митрополитовъ и только весьма немногимъ удалось избѣжать ихъ. Очевидно, высокая честь носить достоинство московскаго митрополита теперь давалась нелегко и нерѣдко вела къ серьезной опасности. Въ семи случаяхъ извѣстно, что митрополиты были

удаляемы, или сами удалялись изъ-за столкновеній съ государственной властію и ни одного такого, когда бы оставленіе кафедр вызывалось ихъ дѣйствительными недостатками. Указанное явленіе говоритъ о томъ, что церковь и государство обмѣнялись ролями. Нѣкогда почетнѣйшее и дѣйствительное наименованіе митрополита „отцомъ“, теперь въ устахъ великаго князя сдѣлалось давно лишь привычнымъ титуломъ. *Говорилъ и дѣлалъ „сынъ“, великій князь, а „отецъ“, митрополитъ долженъ былъ слушать и исполнять волю перваго.* Оно и понятно: въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ требовалъ удаленія на покой Геронтія, въ составъ Московскаго государства не входило уже только три удѣла; *а ордынскій ханъ Ахматъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что сморѣлъ на Москву съ береговъ рѣки Угры.* Ясно, „отцы“ сослужили свою службу, Москва объединилась, Москва болѣе не падала ницъ предъ Татарской басмою, нужда въ нихъ миновала, и съ ними можно было говорить другимъ языкомъ, хотя бы напр. такимъ, какимъ заговорилъ тотъ же князь при поставленіи въ митрополиты Симона „...жезль пастврства, отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Иисуса Христа и пречистыя Его Матери взыди и моли Бога и пречистую Его Матерь о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи 1)...

Итакъ установившіяся новыя отношенія между властію свѣтскою и духовною вовсе не требовали еретичества для удаленія Зосимы.

Какія же могли быть у него столкновенія съ великимъ княземъ и изъ-за чего? Послѣ Василія II Темнаго, кромѣ Іоанна III, осталось еще нѣсколько сыновей. Два изъ нихъ: Юрій и Андрей Меньшой умерли бездѣтными и отказали свои удѣлы московскому государю, но двое другихъ: Борисъ и Андрей Большой не только хотѣли сохранить свою самостоятельность, но даже потребовали своей доли въ наслѣдствѣ умершихъ братьевъ. Они заключили между собою союзъ противъ Іоанна III, вошли въ соглашеніе съ новгородцами, стремившимися обезпечить себя отъ притязаній Москвы, и *явились постоянной угрозой для послѣдней. Въ нашествіе*

1) П. С. Р. Д., т. VI, стр. 39.

сарайскаго хана Ахмата въ 1480 г. Іоаннъ III вынужденъ былъ удовлетворить всѣ ихъ требованія, ибо только подъ этимъ условіемъ они обѣщали ему свою помощь противъ татаръ ¹⁾. Но въ скоромъ времени, по смерти матери великой княгини, инокини Марѣы, въ 1484 году, державшей сторону своихъ младшихъ сыновей и особенно любившей Андрея, дружественныя отношенія ихъ съ великимъ княземъ стали снова портиться. Іоаннъ III болѣе всего подозрѣвалъ въ крамолѣ Андрея, и не скрывалъ этого, такъ что послѣдній очень опасался за свою судьбу; въ 1488 году онъ рѣшился даже бѣжать, но раздумалъ,—какъ оказалось, на погибель себѣ. Согласно договорнымъ грамотамъ, въ 1491 г. великій князь приказалъ братьямъ отправить свои полки противъ татаръ, но Андрей этого требованія не исполнилъ. Тогда Іоаннъ III рѣшился покончить съ нимъ навсегда. Въ сентябрѣ 1492 года Андрей, забывъ всякую осторожность, явился въ Москву и тогда же былъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ въ утѣсненіи спустя два года. Какъ же держало себя духовенство во время этой продолжительной и упорной борьбы за власть? Лѣтописецъ говоритъ, что примиреніе между братьями въ 1480 году состоялось вслѣдствіе „печалованія“ митрополита Геронтія вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими духовными лицами и матерью великой княгиней ²⁾, слѣдовательно, оно принимало въ ней дѣятельное и живое участіе и, повидимому, несовсѣмъ раздѣляло абсолютистскіе взгляды великаго князя. Отсюда и та извѣстная распря, которая открылась вскорѣ потомъ между Геронтіемъ и Іоанномъ III и едва не кончившаяся плачевно для митрополита.

Катастрофа съ Андреемъ Большимъ произошла уже позже, при митр. Зосимѣ. И онъ, подобно своему предшественнику, взялъ на себя защиту опальнаго князя, при чемъ „печалованіе“ его вылилось въ несовсѣмъ обыкновенную форму. Послѣ того, какъ Андрей былъ схваченъ, „тогда, говоритъ одно извѣстіе, собравшася мнози князи и бояре, начаша просити митрополита Зосима, чтобы печаловался со властями о князѣ Андрѣѣ, и митрополитъ не единова проси, то же

¹⁾ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 231.

²⁾ Тамъ же, стр. 20, 224; т. VIII, стр. 206.

князи сродни; князь же великій отрече¹⁾. Такимъ образомъ протестъ противъ насильственныхъ дѣйствій московскаго князя принималъ внушительные размѣры и что хуже всего было—это то, что и митрополитъ примкнулъ къ партіи бояръ и высшей московской аристократіи. Неоднократныя ходатайства со стороны его не смотря на объясненія Іоанна III, что только одна государственная необходимость принуждаетъ его такъ сурово поступать съ братомъ, заставляли великаго князя подозрительно относиться къ главѣ Церкви. Подозрительность эта перешла въ окончательную увѣренность во враждебности къ нему митрополита, когда умеръ князь Андрей и когда Іоаннъ III долго и слезно умолялъ Зосиму простить ему грѣхъ противъ брата²⁾. Но великій князь былъ не изъ тѣхъ людей, которые забываютъ свои обиды и вотъ, едва прошло полгода послѣ этого случая, какъ Зосима долженъ былъ оставить митрополию. Въ видахъ князя было, чтобы на этотъ разъ не повторилось скандала, какой былъ, при митр. Геронтіѣ, и Зосимѣ очевидно было сдѣланы весьма энергичныя представленія, если онъ рѣшился всенародно разыграть сцену своего якобы добровольнаго отреченія. Такъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло удаленіе митрополита; возможно, что при этомъ были пущены въ ходъ и „достоувѣрные свидѣтели“ съ намѣреніемъ какъ можно болѣе очернить его, что было очень на руку государю.

Замѣчательно, что изслѣдователи вѣрятъ въ еретичество Зосимы. Но ихъ увѣренность основывается на требованіи Іосифа „очистить церковь отъ пагубнаго змія“ и его обличеніяхъ митрополита, при чемъ забывается одно, что великій князь никогда не слушалъ ревностнаго игумена, успокаивая его лишь одними обѣщаніями³⁾. Государь нисколько не со-

1) *Татищевъ*, Истор. Рос., кн. V, стр. 93 (Чт. Общ. Ист. Др., 1847, № 4).

2) *Лѣтоп.*, продолжат. Нестора, стр. 399, у Соловьева, кн. I, столб. 1400.

3) См. посланіе Іосифа къ архим. Митрофану, (Чт. Общ. Ист. Др., 1847, I). Интересно, что академикъ Е. Е. Голубинскій находитъ возможнымъ утверждать, ссылаясь на *это именно посланіе*, что великій князь сдѣлалъ такъ, какъ обѣщалъ пр. Іосифу: „само собою должно быть предполагаемо сдѣланнымъ то, что великій князь обѣщался пр. Іосифу сдѣлать (посланіе Іосифа къ Митрофану)* (Ист. Рус. Церк., т. II, стр. 582, примѣч. 2). Но вѣдь посланіе Іосифа къ архимандриту Митрофану, княжескому духовнику, и вызвано было тѣмъ, что в. князь *ничего не исполнилъ изъ того, что обѣщалъ* игумену относительно розысканія еретиковъ въ Нов-

мнѣвался въ православіи митрополита; о семъ не могло быть и рѣчи, какъ это видно изъ разговора его съ Іосифомъ. Въ 1503 году, бесѣдуя съ нимъ наединѣ, Иванъ Васильевичъ каялся, что зналъ о ереси протопопа Алексѣя, Ѡ. Курицына и своей невѣстки Елены Стефановны, но ни словомъ не упомянулъ про Зосиму ¹⁾).

Ѡ. М. Ильинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

городѣ и другихъ городахъ; это общій тонъ посланія! Іосифъ потому и пишетъ Митрофану, что въ немъ видитъ послѣднее средство побудить вел. князя „обыскати еретиковъ:“ „Ино, господине, Государю Великому Князю въ томъ прощеніи (митрополитъ и владыки простили его за то, что онъ не преслѣдовалъ еретиковъ) нѣтъ пользы, кое слово прощается, а дѣломъ не поженетъ ревностію о Православной Вѣрѣ Христіанской. еретиковъ не вѣлѣтъ обыскивати“. „Ино, господине, тебѣ о томъ (преслѣдованіи еретиковъ) Государю Великому Князю пригоже, да и должно. поминати“. Конецъ посланія: „И ты, господине, потчиися вседушно Государю подокучити, оставивъ всѣ дѣла“... „А только ты, господине, о томъ дѣлѣ не поцечешеса, ни донесепи до Великаго Князя, ино, господине, на тебѣ того Богъ възыщетъ“. „Да каково, господине, будетъ о томъ Государское попеченіе, и ты бы, господине, ко мнѣ пожаловалъ писалъ, и азъ тебѣ, господину, челомъ бью“.

¹⁾ М. Макарій въ качествѣ косвеннаго доказательства еретичества митрополита указываетъ на то обстоятельство, что имя его пропущено въ синодикахъ, по которымъ совершалось поминовеніе русскихъ митрополитовъ и другихъ іерарховъ въ недѣлю православія (Ист. Рус. Церкв., т. VI, примѣч. 157). Но этотъ пропускъ не имѣетъ никакого значенія. Въ синодикахъ пропущены имена м.м. Автонія (1572—1581 г.) и Діонисія (1581—1587 г.), въ православіи которыхъ никто никогда не сомнѣвался. Наконецъ, въ нихъ пропущено также имя и препод. Нила Сирскаго, а онъ причисленъ русской Церковью къ лику святыхъ (Др. Рос. Вивліон., изд. 1788, т. VI, стр. 435, 452).